https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-227-235
УДК 821.161.2
ББК 83.3(2=Рус)528 Гоголь Н.В.
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Тоичкина
г. Санкт-Петербург, страна Россия

ОБРАЗ Н.В. ГОГОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. КУЛИША

Аннотация: В исследовании рассматривается проблема образа героя в жанре литературной биографии. В первой трети XIX в. в русской культуре утверждается право поэта на биографию. Личность писателя становится предметом литературного исследования. В этот период писатель в общественном сознании начинает ассоциироваться со святым, уподобляется проповеднику, подвижнику и мученику. Одним из первых это понял Н.В. Гоголь, который стремился выстроить свою жизнь в соответствии с требуемым обществом идеалом. П.А. Кулиш (1819–1897) стал составителем первой посмертной биографии писателя. В 1856 г. отдельным изданием в двух томах вышли «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя». Понимание Гоголя как святого духовидца определило концепцию жизни и творчества писателя. В «Записках» перед читателем предстают два образа: образ Гоголя как героя и образ самого Кулиша как автора создаваемой биографии. Работа с материалом у Кулиша подчинена, с одной стороны, задаче нащупать нерв, связующий жизнь и творчество писателя. С другой — проследить процесс самовоспитания великого человека, его духовное становление. В «Записках» Кулишу пришлось решать, как совмещались в Гоголе писатель-сатирик и глубоко верующий христианин. Для Кулиша Гоголь как человек и писатель был образцом христианина. В «Записках» он создает идеальный образ творца-духовидца, подвижника и наставника. Этому идеалу сам он стремился подражать в течение всей своей жизни.

Ключевые слова: образ Гоголя, Кулиш, биография, творец-духовидец, мифологизация

Информация об авторе: Александра Витальевна Тоичкина — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3723-1553
E-mail: a.toichkina@spbu.ru

Дата поступления статьи: 05.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 19.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Тоичкина А.В.* Образ Н.В. Гоголя в творчестве П.А. Кулиша // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 227–235.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-227-235

Исследование биографии известного писателя, написанной другим писателем, ставит нас перед необходимостью учитывать специфику жанра литературной биографии, который формировался в европейских литературах Нового времени на протяжении XVII–XIX вв. Конечно, сама по себе биография — древний жанр. Как пишет Е.В. Иванова, «Генезис биографического жанра в европейской традиции восходит к “Сравнительным жизнеописаниям” Плутарха, “Агриколе” Тацита, “Жизни двенадцати цезарей” Светония и другим памятникам античной культуры» [2, с. 8]. В XIX в. определяющее влияние на европейскую традицию жанра биографии оказал английский писатель, историк и философ Томас Карлейль. Его книга «Герои, почитание героев и героическое в истории» вышла в 1841 г. (на русский язык она была переведена В.И. Яковенко и вышла в 1891 г.). Концепция Карлейля органически связана с эпохой романтизма.

> В представлении Карлейля герои — великие люди, «посланные в этот мир», они возможны только в эпоху веры, в эпохи же, когда люди не хотят верить, не хотят героев, — герои не рождаются [2, с. 13].

«Великие люди, — пишет Карлейль в первой беседе, — каким бы образом мы о них не толковали, всегда составляют крайне полезное общество. Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку мы все-таки выигрываем кое-что от соприкосновения с ним. Он — источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благодетельно и приятно. Это — свет, озаряющий мир, свет, освещающий тьму мира; это не просто возженный светильник, а, скорее, — природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо» [3, с. 24].

По словам Ю.М. Лотмана, «Каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографией”. Здесь очевидна связь с тем, что каждая культура создает идеальную модель, тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определенной свободой выбора своей модели поведения» [4, с. 365]. В русской культурной традиции Лотман связывал жанр биографии эпохи романтизма со средневековой агиографией:

> С романтической точки зрения, усилие воли, напряжение деяний требуется, чтобы присвоить человеку индивидуальное поведение. Со средневековой позиции, мнимое и тленное разнообразно, вечное и истинное едино. Величайшие усилия требуются для того, чтобы приблизиться к вечным образцам поведения. Но в обоих случаях речь идет об усилиях в выборе поступка там, где, с точки зрения общей нормы, выбора нет. Именно это выделяет человека и делает его «носителем биографии» [4, с. 366].

В первой половине XIX в. в русской культуре утверждается право поэта на биографию, растет биографическая мифологизация, в частности, И.А. Крылова и А.С. Пушкина. Личность писателя делается предметом литературного исследования, возникает проблема повествователя и образа героя.

> Биография становится понятием более сложным, чем сознательно выбранная маска. Она подразумевает наличие внутренней истории. А поскольку история осознается в этот период как движение от бессознательности к сознательности, то биография — акт постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление. Только «искание истины» дает общественно-культурное полномочие создавать произведения, которые в контексте данной культуры могут восприниматься как ее тексты [4, с. 372].

Еще в XVIII в., в эпоху развития русской литературной традиции, «писатель занял то место, которое предшествующий этап отводил святому — проповеднику, подвижнику и мученику. Ассоциация эта покоилась на вере в особую силу слова и его интимную связь с истиной. Как святой, так и писатель подвижничеством должен был доказывать свое право говорить от лица Высшей Правды. Первым это понял — и ужаснулся этому — Гоголь. <…> Отсюда требование, выдвинутое в "Авторской исповеди": "Сгорать явно, в виду всех, желаньем совершенства". Путь этот толкал писателя к тому, чтобы занять позицию проповедника и пророка» [4, с. 374].

Н.В. Гоголь оказал значительное влияние на украинского писателя П.А. Кулиша (1819–1897). Лично они знакомы не были. После смерти Гоголя Кулиш стал собирать материалы для составления первой посмертной его биографии. В первой половине 1850 гг. Кулиш опубликовал целый ряд сочинений, посвященных биографии Гоголя (таких, как «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», «Несколько слов о Гоголе. Отрывок литературного письма»[1], «Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя», «Опыт биографии Н.В. Гоголя со включением до сорока его писем»[2]). В 1856 г. отдельным изданием в двух томах вышли «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем с портретом Н.В. Гоголя»[3].

Кулиш писал С.Т. Аксакову по поводу своего «Опыта биографии» Гоголя, что Гоголь-писатель давно был для него ясен, но Гоголь-человек казался ему загадочным существом до тех пор, пока в его руках не очутились письма, вошедшие в «Опыт» [10, с. 188]. По этим письмам он угадал в Гоголе-писателе Гоголя-человека. Концепция Гоголя, которую воплотил Кулиш в своем «Опыте», была близка семье Аксаковых. В.С. Аксакова писала М.Г. Карташевской: «Замечательно то, что Кулиш не знал прежде Гоголя и во многом ошибался на счет его; но по мере того, как ему открывались сведения, как он вчитывался в письма самого Гоголя, ему уяснялся его образ и великое значение Гоголя, как человека»[7, с. 84]. Понимание Гоголя как святого духовидца определило концепцию «Опыта биографии». И с этой концепцией образа писателя связан главный прием построения его образа в «Опыте» — включение текстов его писем. Как пишет П.В. Михед, «Прообразом для книги стали "Выбранные места из переписки с друзьями" Гоголя. Именно письма в книге Кулиша становятся центральным звеном беллетристического рассказа автора и главной формой представления читателю портрета Гоголя» [5, с. 244].

Уже в «Опыте» Кулиш формулирует свое понимание биографии как жанра:

> Жаль, что мы не вошли еще, так сказать, во вкус биографии и как-то холодно собираем материал для этого рода сочинений, а между тем едва ли в каком-нибудь другом роде могут быть совмещены серьезный интерес истории, глубокие психологические исследования и самый роскошный романтизм. Поэтому-то, может быть, хорошая биография появляется только в литературах народов, стоящих уже на высокой ступени общественного развития. Там она находит

[1] В 1852 г. Кулиш публикует «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» в «Отечественных записках» [11, с. 189–201] и отдельной брошюрой «Несколько слов о Гоголе. Отрывок литературного письма» [12].

[2] В 1854 г. под псевдонимом Николай М. Кулиш печатает в февральском, мартовском и апрельском номерах «Современника» сложившийся на тот момент вариант «Опыта биографии Николая Васильевича Гоголя» [13, 14, 15]. Кроме того, публикует «Опыт биографии Н.В. Гоголя со включением до сорока его писем» [16].

[3] См. также: «Хронологическая канва работы П.А. Кулиша над биографией Н.В. Гоголя» (сост. И.А. Виноградов) [8, с. 628–630].

> много ценителей, следовательно, много и деятелей для скопления материалов, из которых уже потом такой человек, как Вальтер Скотт, как Вашингтон Ирвинг, как Томас Мур, строит целое и вечное создание. Будем надеяться, что и наши знаменитые личности не останутся без подробных мемуаров для будущих биографов. Что касается до пишущего эти строки, то он, понимая вполне важность предмета, старался разузнать от кого только мог обо всем касавшемся Гоголя и желает лучше быть в своем изложении отрывочным, нежели пренебречь каким-нибудь известным ему моментом жизни поэта [9, с. 140].

Кулиш в полной мере отдавал себе отчет, реализации каких целей и задач требует от него труд по написанию биографии такого художника, как Гоголь. Ведь Гоголь был его земляком, великим писателем, подвижником. Его неожиданная и загадочная смерть поразила русское общество. Кулиш стремился ответить на остро поставленный временем вопрос о смысле явления Гоголя в русской жизни, в русской культуре. И ответ должен был быть правдивым. Но при этом сам Кулиш осмыслял личность Гоголя при помощи литературных приемов. И в двух томах «Записок о жизни Николая Васильевича Гоголя» складываются, с одной стороны, образ Гоголя, который тщательно выстраивает из собранных материалов, а с другой — образ самого Кулиша, автора создаваемой биографии.

Кулиш в кратком предисловии объяснял, почему окончательный вариант своего труда он назвал «Записки», а не как предыдущий вариант «Опыт биографии». В ряду причин важно выделить последний, четвертый пункт: «…обширность предпринятой мною работы, обнятая мною полнее при ближайшем знакомстве с делом, заставила меня приостановиться с дальнейшими биографическими выводами и обратить свою книгу в простой сборник известий о Гоголе, — сборник, который может еще пополниться новыми записками и изустными рассказами знавших Гоголя лично и по которому со временем можно будет написать его биографию» [8, с. 84]. В «Опыте» материалов было меньше, и портрет Гоголя в интерпретации Кулиша был выписан более рельефно, чем в последующих «Записках».

Для Кулиша концепция жанра литературной биографии является художественной в существе своем. Так, в заключение описания первого периода жизни Гоголя в «Записках», Кулиш пишет:

> Как ни много, на первый раз, собрано у меня материалов для каждого из трех периодов жизни поэта, но из этого не следует еще строить истории его жизни так систематически, так последовательно и заключительно, как развивается роман или поэма. Я только покажу читателю разные стороны его житейского и поэтического характера, сколько это раскрылось для самого меня из известных доселе фактов и письменных документов, но далеко еще то время, когда можно будет в заглавии подобного сочинения написать «Полная биография» [8, с.134].

Тем не менее, ряд приемов и своего рода скрепы, разработанные биографом еще в «Опыте», подчиняют материал в «Записках» задачам создания определенного образа писателя.

В «Записках» (как и в «Опыте») биография Гоголя поделена на три периода, повествование ведется в хронологическом порядке и значительное место занимают письма. В первой части для Кулиша образ Гоголя-писателя выстраивается как воплощение наработанного в истории украинского народа потенциала. Так, осмысляя историю предков Гоголя, в частности, полковника надднестрянской Украины Остапа Гоголя, Кулиш пишет:

> Конечно, ни один луч в сиянии этой звезды не зависит от зловещего блеска, озарившего личность Остапа Гоголя; но любопытно, однако ж, знать, в каком разряде людей, в каком быту и при каких обстоятельствах вырабатывалась в минувшие века жизненная сила, которой в наши дни, дивной игрой природы, сообщился таинственный огонь поэзии [8, с. 86].

Далее Кулиш вводит понятие «внутренней биографии». Именно с целью раскрытия механизма взаимодействия жизни и творчества писателя биограф помещает в «Записках» его письма:

> Гоголь сам — лучший свой биограф, и если бы были напечатаны все его письма, то не много нужно было бы прибавить к ним объяснений для уразумения истории его внутренней жизни [8, с. 152].

Работа с материалом у Кулиша подчинена, с одной стороны, задаче нащупать нерв, связующий жизнь и творчество. С другой — проследить процесс самовоспитания великого человека, его духовное становление. Кулиш сам признается в своих сомнениях и вопросах:

> Я за тем и предлагаю эти вопросы, что они сильно занимали меня, пока я не выяснил себе личности Гоголя; ибо я не всегда питал к нему те чувства, с которыми теперь начертываю историю его внешней и внутренней жизни. Сомнения, недоумения, негодование на кажущуюся пошлость его поступков, презрение к мнимой его надменности и кичливости и другие тягостные и неприятные чувства, которые возбуждал Гоголь в разные времена своей жизни в истинных своих почитателях, были и моими чувствами; и чем больше я ценил талант его, тем сильнее восставал в душе против того, что я называл тогда темными сторонами его характера.<…> Но когда передо мной открылись все материалы для его биографии, которые читатель найдет в этой книге, и я вошел в более близкие отношения с душою поэта, мои сомнения и недоверчивость к нему начали уступать место вере в искренность его убеждений и удивлению к его постоянным усилиям возвыситься над самим собою [8, с. 247].

Соответственно, выбор и расположение материалов (писем, воспоминаний, комментариев биографа) не являются случайными:

> Необходимо самому читателю пройти до конца испытующим умом все проявления характера и души Гоголя, сколько сохранено их от забвения в этом сборнике, и, по мере своей способности, анализировать столь высокий и трудный предмет, составить себе собственное убеждение [8, с. 247].

Этот метод втягивания читателя в материал через письма главного героя биографического сочинения взят из практики художественной литературы. Кулишу важно создать образ Гоголя в сознании читателя через приобщение к его личной переписке. Этой задаче подчинен как отбор писем, так и признания биографа о трудностях его пути познания «души поэта».

Конечно, в «Записках» Кулишу пришлось решать проблемы соотношения творчества и биографии писателя, психологии творца и самого творческого процесса. Для этого он и использовал прием соотношения «внутренней» и «внешней» биографий Гоголя, что, в конце концов, позволило ему написать о том, как сочетались «в душе поэта» писатель-сатирик и христианин.

Эта тема была важна для самого Кулиша. Как пишет, Е.К. Нахлик:

> Миропонимание Кулиша основывалось на религиозной, главным образом христианской, вере в Бога как разумной и доброй «великой силе, которая породила закон жизни», дала начало всему сущему, которая направляет развитие человечества к добру и истине и является залогом «перевеса правды над ложью». Направленный Богом общественно-исторический процесс имеет, по Кулишу, высокую, благородную цель: «Человеческий род, среди своей темноты и ошибок, без устали творит божественное дело правды и жизни». <…> В служении «Богу жизни, Богу правды» и видел писатель предназначение человека, смысл его земного существования, считая, что только через «разумные и благие» поступки как мерило его ценностей и заслуг человек обретает свое праведное бессмертие. Идея правды-истины и высокой моральности была для Кулиша божественным императивом, положенным в основу человеческого бытия, его развития и обновления, и он придерживался убеждения, что эта идея, вместе с мета-идеей Царства Божьего, есть и всегда будет вектором развития человечества. Религиозные убеждения были источником философского оптимизма и жизненной стойкости Кулиша, который верил как в «вещь реальную из реальнейших» в «бессмертие разумного и благого дела», которое одно не гибнет на свете, а обязательно становится частью «извечного достояния рода людского», дает свои ростки и плоды даже тогда, когда не дает сразу каких-то зримых результатов. С точки зрения Кулиша, то, что сделает «в чистоте мысли своей» даже «самый незначительный добрый человек», «на вечных весах духа Божьего» будет весить больше, чем временный самый бессовестный перевес «людской ошибки или зла над подлинной правдой» [6, с.487-488][4].

Кулиш понимал литературный труд как служение Богу, как служение Истине. Для него правда была высшим критерием смысла его творческой писательской деятельности. И в личности Гоголя он открывал идеал писателя-христианина. Одна из задач его как биографа состояла в необходимости показать путь становления Гоголя как писателя-христианина, как писателя-пророка.

Тема сложной внутренней борьбы в душе Гоголя, христианина и художника, занимает важное место уже в «Опыте». В третьем периоде биографии Гоголя Кулиш описывает историю с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» и вторым томом «Мертвых душ». Он прослеживает внешние события сквозь призму внутренней борьбы в душе своего героя:

> Он написал было уже второй том «Мертвых душ», но, повинуясь своему непреложному внутреннему суду, сжег его вместе с прочими своими произведениями, существовавшими в рукописи, как недостойное обнародования. Пробовал писать вновь, но ничего его не удовлетворяло. Христианин и художник спорили еще в нем, друг с другом и не слились в одно животворное духовное существо [9, с. 131].

Так появились «Выбранные места», так, по Кулишу, писался второй том «Мертвых душ». И, в конце концов, «совершилось в Гоголе беспримерное перерождение, торжество христианина над художником и потом возрождение художника в христианине, — словом, душевное пересоздание, возведшее его на ту степень поэтического творчества, на которой он явился во втором томе “Мертвых душ”» [9, с. 131]. В «Записках» эта тема усложняется за счет введения большого корпуса материалов писем и свидетельств современников. Тем не менее, концепция образа Гоголя как писателя-христианина выдерживается до конца. В третьей части и в связи с событием неожиданной смерти Гоголя эта тема является стержневой. Так Кулиш обращается к рукописям произведений (в частности, записям Гоголя ко второму тому «Мертвых душ»). В последней главе «Записок» он пишет, что Гоголь «не смотрел на себя собственно как на деятеля литературного. “Дело мое проще и ближе (говорил он); дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всякий человек, не только один я. Дело мое *душа* и *прочное дело*

[4] Перевод с украинского языка автора статьи.

жизни". Он смотрел на себя просто как на существо, которому "повелено было быть в мире и освобождаться от своих недостатков"; но это самоочищение постоянно соединялось в нем с тем, что он на своем собственном языке называл *прочным делом жизни*» [8, с. 597]. По мысли Кулиша, Гоголь «смертью своею доказал, что он был не только истинный христианин, но и покорнейший сын Православной Церкви» [8, с. 246].

В.В. Вейдле писал, что задача биографа «затронуть тот основной узел творческой судьбы, которым жизнь привязана к искусству» [1, с. 131]. Кулиш пытался не просто затронуть эту важнейшую проблему. Он ставил и вопрос о природе творческого акта:

> Внутренний акт творчества есть тайна, так же неразгаданная психологией, как физиологией — зарождение жизни в существе органическом; но любопытству нашему доступен по крайней мере внешний процесс перехода изящных идей в изящные формы, и наблюдение этого процесса, кроме интереса для всякого мыслящего человека, полезно для руководства молодых талантов [8, с. 545].

Кулиш видел в этой теме перспективу потенциальной реализации жанра литературной биографии как в некотором роде учебника для молодых писателей.

Кулишу в «Записках» удалось охватить практически весь круг проблем, выдвинутых на повестку дня развитием жанра биографии в европейских литературах. В своих сочинениях о Гоголе он отработал определенную художественную стратегию создания образа великого писателя — подвижника, пророка, мученика. Образ Гоголя выстраивается в многообразии фактов его жизни, через слово самого писателя, в непростом соотношении фактов жизни и их оценок (как самим Гоголем, так и кругом его современников). Образ Гоголя — это идеал Кулиша. И в свете этого идеала рельефно выступает образ его биографа, который стремится подражать своему великому учителю.

Список литературы

Исследования

1 *Вейдле В.В.* Об искусстве биографа // Биография в истории культуры. Сб. ст. М.: Рутения, 2018. С. 127–136.

2 *Иванова Е.В.* Биография как жанр: западноевропейская и русская традиция // Биография в истории культуры. Сб. ст. М.: Рутения, 2018. С. 7–38.

3 *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории: публикация беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб.: Ф. Павленков, 1898. 340 с.

4 *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Талинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 365–376.

5 *Михед П.В.* У истоков «православного» гоголеведения: Пантелеймон Кулиш // Н.В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: сборник докладов. М.: КДУ, 2006. С. 231–253.

6 *Нахлік Є.К.* Особливості релігійно-філософського світогляду Пантелеймона Куліша // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2006–2007. № 15. С. 487–497.

7 *Петров В.* Пантелеймон Куліш у п'ядесяті роки. Життя. Ідеологія. Творчість. Том перший. Київ: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1929. 561 с.

Источники

8 *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М.: ИМЛИ РАН, 2003.704 с.

9 *Кулиш П.А.* Николай Васильевич Гоголь. Опыт биографии. М.: Альтернатива-Евролинц, 2003. 244 с.

10 *Куліш П.О.* Повне зібрання творів. Листи. Київ: Критика, 2009. Т. II: 1850–1856. 672 с.

11 <*Кулиш П.А.*> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» // Отечественные записки. 1852. Т. LXXXI, №4 (апрель). Отд. 8. С. 189–201.

12 <*Кулиш П.А.*> Несколько слов о Гоголе. Отрывок литературного письма. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 15 с.

13 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. 1854. Т. XLIII, №2 (февраль). Отд. 2. С. 36–92.

14 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. 1854. Т. XLIII, №3 (март). Отд. 2. С. 1–84.

15 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. 1854. Т. XLIV №4 (апрель). Отд. 2. С. 91–154.

16 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя со включением до сорока его писем. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854. 208 с.

***

© 2026. Aleksandra V. Toichkina
St. Petersburg, Russia

THE IMAGE OF N.V. GOGOL IN THE WORKS OF P.A. KULISH

Abstract: The study examines the issue of hero`s image in the genre of literary biography. In the first third of the 19th century, the poet's right to biography was asserted in Russian culture, and biographical mythologization was growing. At this time, the writer in the public consciousness begins to be associated with the saint, likened to a preacher, ascetic and martyr. N.V. Gogol was one of the first to understand this, and he sought to build his life in accordance with the ideal required by society. P.A. Kulish (1819–1897) was the author of the first posthumous biography of the writer. In 1856, “Notes on the Life of Nikolai Vasilyevich Gogol” was published. Understanding Gogol as a holy visionary determined the concept of biography compiled by Kulish. Kulish's work with the material subordinates, on the one hand, to the task of feeling the nerve connecting life and creativity. On the other hand, it is necessary to trace the process of self-education of the great man, his spiritual formation. Kulish in the “Notes” creates an ideal image of the creator-visionary, ascetic and mentor. It was an ideal he himself sought to emulate throughout his life.

Keywords: the image of Gogol, Kulish, biography, visionary creator, mythologization

Information about the author: Aleksandra V. Toichkina — DSc in Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3723-1553
E-mail: a.toichkina@spbu.ru
Received: June 05, 2026
Approved after reviewing: August 19, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Toichkina, A.V. "The Image of N.V. Gogol in the Works of P.A. Kulish." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 227–235. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-227-235

References

1 Veidle, V.V. "Ob iskusstve biografa" ["About the Art of the Biographer"]. *Biografiia v istorii kultury*. *Sbornik statei* [*Biography in the History of Culture. A Collection of Papers*]. Moscow, Ruteniia Publ., 2018, pp. 127–136.(In Russ.)

2 Ivanova, E.V. "Biografiia kak zhanr: zapadnoevropeiskaia i russkaia traditsiia" ["Biography as a Genre: Western European and Russian Traditions"]. *Biografiia v istorii kultury*. Sbornik statei [*Biography in the History of Culture. A Collection of Papers*]. Moscow, Ruteniia Publ., 2018, pp. 7–38. (In Russ.)

3 Karleil, T. *Geroi i geroicheskoe v istorii: publikatsiia besedy Tomasa Karleilia* [*Heroes and the Heroic in History: A Conversation with Thomas Carlyle*], trans. from V.I. Iakovenko. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1898. 340 p. (In Russ.)

4 Lotman, Iu.M. "Literaturnaia biografiia v istoriko-kulturnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)" ["Literary Biography in the Historical and Cultural Context (On the Typological Relationship between the Text and the Author's Personality)"]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stati v trekh tomakh* [*Selected Articles in Three Volumes*], vol. 1. Talinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 365–376. (In Russ.)

5 Mikhed, P.V. "U istokov 'pravoslavnogo' gogolevedeniia: Panteleimon Kulish" ["At the Origins of 'Orthodox' Gogol Studies: Panteleimon Kulish"] *N.V. Gogol i Russkoe Zarubezhe: Piatye Gogolevskie chteniia: sbornik dokladov* [*N.V. Gogol and the Russian Diaspora: The Fifth Gogol Readings: A Collection of Papers*]. Moscow, KDU Publ., 2006, pp. 231–253. (In Russ.)

6 Nakhlik, E.K. "Osoblivosti religiino-filosofskogo svitogliadu Panteleimona Kulisha" ["Features of Panteleimon Kulish's Religious and Philosophical Worldview"]. *Ukraïna: kulturna spadshchina, natsionalna svidomist, derzhavnist*, no. 15, 2006–2007, pp. 487–497.(in Ukrainian)

7 Petrov, V. *Panteleimon Kulish u p'iadesiati roki. Zhittia. Ideologiia. Tvorchist* [*Panteleimon Kulish in the 1850s. Life. Ideology. Creation*], vol. 1. Kiïv, Z drukarni Vseukraïnskoï Akademiï Nauk Publ., 1929. 561 p. (in Ukrainian)